

РАМПА
культура. - 1995. - 4 марта
УСПЕХ *- С. 11*
ИЛИ
ПРОВАЛ?

...В таких случаях обычно задают риторический вопрос: «А что по этому поводу сказал бы автор?». На сцене Парижской консерватории осуществлена постановка, формально именуемая опера-буфф «Любовь к трем апельсинам». Один из ранних шедевров Сергея Прокофьева, написанный по горячим следам большевистской революции, в свое время стал новаторским в оперном искусстве. Знаменитый румынский режиссер Андрей Щербан, эмигрировавший в свое время в США, попытался предложить современную трактовку либретто, перенеся действие из сказочного королевства в кремлевские покои сталинских времен.

Вкратце действие разворачивается следующим образом: Сталин в инвалидной коляске окружен кремлевскими интригами, но больше всего озабочен здоровьем собственного сына, чье угнетенное состояние духа не имеет ничего общего с революционным оптимизмом. Его пытаются развлечь забавами, означенными в программке как «Враг народа», «Чистка», и т. д. Некая фея Кремля по имени Фата Моргана, окутанная в американский флаг, естественно, поддерживает заговорщиков. На ее фоне несколько теряет свое величие Карл Маркс, распевающий арии с огромным томом «Капитала» под мышкой. В конце концов принц, то бишь сын вождя, находит утешение в объятиях некой очарованной по имени Нинетт — «идеальной принцессы» в белых «комсомольских» носочках. Финал спектакля посвящен «триумфу» России с общим гвалтом и какофонией, а также убедительным проходом ряда артистов по ногам зрителей.

Обозреватель «Монд», например, назвал спектакль «провалом», несмотря на то, что, по его мнению, Андрей Щербан был всерьез увлечен футуристическими достижениями Дзиги Вертова, Чарли Чаплина и Мака Сеннета, пытаясь трансформировать в антисоветское полотно оперу, которую сам Прокофьев создал в годы послереволюционной эйфории.

Не стоит, думается, использовать термин «провал» для характеристики работы режиссера с мировым именем. Однако легковесность в восприятии сталинской трагедии, столь характерная для многих современных деятелей культуры Запада, сама по себе заразительна. Россия и ее культурные выходы могут рассчитывать, вероятно, на большую бережливость: в самой музыке Прокофьева вполне достаточно фарса, чтобы пытаться растворить ее в фарсе политическом.

«Мне 50 лет, и я теперь делаю политический театр», — заявил в одном из интервью Щербан. Кажется, известный режиссер ошибся: его произведение больше похоже на политический комикс. Он, конечно, имеет право на жизнь, но только при чем здесь Прокофьев? К сожалению, попытки рассказать о России языком комикса становятся все более распространенными в западном искусстве.

Что же касается С. Прокофьева, то его музыкальному режиссеру вряд ли что-нибудь угрожает...

М. КАЛМЫКОВ.
ПАРИЖ.